

На стр. 54 приводится цыганское слово *buznó* (мн. ч. *buzné*), которым испанские цыгане называют нецыган. Автор словаря предлагает свою собственную этимологию этого слова, высказывая предположение, что этот «цыганский термин» образован от венгерского ругательства и соответствует испанскому проклятию *carajo*. В действительности это собственно цыганское слово *buznó* — «козел» (ж. р. «*buzni*»), которое имеет также параллели в иранских языках, а в цыганских диалектах употребляется и в переносном значении для обозначения нецыгана²⁸.

На стр. 347 приведено цыганское выражение *phuri dai*, которое имеет значение «старая мать» (в некоторых диалектах также «бабушка»). Автор словаря переводит это выражение как «мудрый советник», «вожак табора».

Итак, словарь Г. Уэдэка представляет собой эклектическую компиляцию различных, часто непроверенных и ненаучных, фактов по истории, этнографии и языку цыган. Единственной «теоретической базой» для автора словаря послужили субъективные высказывания таких цыганологов прошлого века, как Дж. Борроу, Х. фон Влислоцкий и Ч. Г. Леланд, к творческому наследию которых можно подходить лишь строго критически. Подтверждением сказанного может служить хотя бы включенная в рецензируемый словарь характеристика Леландом московских цыган, которые «все же оригинальны, несмотря на то что чисты, очень интересны, хоть и честны, и весьма привлекательны во всяких отношениях, несмотря на их способность читать и писать» (стр. 273).

В заключение отметим также, что, если не считать простого упоминания имен нескольких современных деятелей цыганской культуры (М. Максимофф, Бр. Вайс-Папуша, Т. Циглер и др.) и общих утверждений о том, что в некоторых странах среди цыган есть писатели, учителя, юристы, врачи и т. д., положение цыган и состояние их национальной культуры в современном обществе не получили в словаре почти никакого освещения.

Все отмеченные нами недостатки рецензируемого здесь словаря-справочника по цыганологии можно объяснить прежде всего той позицией, которую занял по отношению к цыганам автор. Для него они всего лишь «последняя аномалия в прогрессивно обусловленном мире» (стр. VI).

Лекса Мануш

²⁸ См., например, в диалекте русских цыган: «Цыганско-русский словарь». Сост. М. В. Сергиевский и А. П. Баранников. М., 1938, с. 18.

НАРОДЫ СССР

И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк). М., 1975, 125 с.

Замечательный советский исследователь культурных растений и навыков земледелия Н. И. Вавилов в книге «Центры происхождения культурных растений» особое внимание уделяет горным районам. По его словам, «в земледельческих районах Горной Бухары в Бадахшане можно видеть до сих пор разнообразные примитивные этапы земледельческой эволюции, сохранившиеся, вероятно, неизменными целые тысячелетия и иллюстрирующие до сих пор различные фазы земледельческой культуры»¹. Именно поэтому работа И. Мухиддинова «Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в.» представляет большой научный интерес. Тем более, что подобных работ в этнографической литературе очень мало. Специальных же этнографических исследований, посвященных земледельческой культуре таджиков Вахана и Ишкашима, еще не было.

В основе монографии лежат материалы полевых исследований автора, дополненные сведениями из архивных и литературных источников. Работа отличается четкостью структуры и логичностью изложения материала. Она состоит из пяти глав: 1) «Краткий историко-этнографический очерк», 2) «Ирригация», 3) «Сельскохозяйственные орудия», 4) «Полеводство, садоводство, огородничество и бахчеводство», 5) «Обряды и обычаи, связанные с земледелием».

Автор всесторонне исследует этнографические особенности традиционного орошаемого земледелия и социальных отношений в кишлачной общине памирских таджиков Вахана и Ишкашима.

Главное достоинство работы И. Мухиддинова в том, что она содержит историко-этнографический материал, впервые вводимый в научный оборот. В первую очередь это относится ко второй, четвертой и пятой главам. На Западном Памире ввиду суровости климата возможно лишь орошаемое земледелие. Автором детально описаны основные способы искусственного орошения и традиционные технически сложные

¹ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. Л., 1926, с. 104.

приемы полива полей, свидетельствующие об очень высокой культуре поливного земледелия.

Автор подчеркивает, что с древнейших времен хозяйственная деятельность земледельцев высокогорных долин неразрывно связана с особенностями местных географических условий, которые оказывают влияние на конструкцию земледельческих орудий, определяют отбор определенных сельскохозяйственных культур, приемов обработки почв и обязательной регламентации циклов отдельных земледельческих работ, отраженных в народном календаре. Выработанные под влиянием природных условий характерные особенности хозяйства и материальной культуры (в том числе детали земледельческих орудий) передавались из поколения в поколение, закреплялись традицией, превращаясь в ряде случаев в этнические особенности хозяйства и материальной культуры определенного этноса (стр. 111).

Автор исследует конструктивные особенности традиционных орудий земледелия, в частности пахотных, применяемых при высокогорном террасовом земледелии. Он подчеркивает, что, несмотря на примитивную конструкцию, оставшуюся неизменной на протяжении веков, эти орудия были хорошо приспособлены к особенностям сложного рельефа и почв, и даже теперь используются в горах, на крутых склонах, там, где применение сельскохозяйственных машин невозможно (стр. 50).

Этногенетические и давние исторические связи с народами прилегающих регионов проявляются очень ярко в обычаях и обрядах, связанных с земледелием, особенно в пережитках аграрных культов, в частности в почитании патрона земледелия — Деда-Земледельца, когда-то очень ярких культов быка и воды. Автор, освещая эти обряды и обычаи с социальной стороны, отмечает сочетание в них «общинных и семейных элементов, отражавших дуализм, характерный для самой кишлачной общины» (стр. 112).

Сопоставляя особенности хозяйства и материальной культуры памирских таджиков с особенностями земледелия соседних народов, И. Мухиддинов приходит к важному выводу о сходстве у них многих земледельческих орудий и приемов земледелия (стр. 65). В то же время он отмечает своеобразие техники полива полей на Западном Памире (стр. 28—49), в значительной степени обусловленное природными условиями.

Автор подвергает сомнению мое определение типа орошения Западного Памира как «горно-ручейкового»². Думаю, что это произошло от непонимания моих аргументов. Дело не в том, что земледельцы используют в качестве источников ручьи, как пишет автор, излагая мою точку зрения (стр. 22), а в том, что памирские ирригаторы применяют «ручейковый» принцип свободного течения воды по крутым склонам, с большими перепадами высот в оросительных канавах. В условиях крайней расчлененности высокогорных речных долин с крутыми склонами и разбросанности полей по террасам и конусам выноса рек земледельцы учились у природы. Предложенный же И. Мухиддиновым термин «высокогорная» ирригация (стр. 22) менее удачен, ибо дело не в формальной высоте над уровнем моря, а в специфике технических приемов искусственного выведения оросительного канала из водных источников. Приемы «горно-ручейкового» орошения были зафиксированы мной в Таджикистане в Кулябской области и на небольших высотах³.

Рецензируемая работа, содержащая большой фактический материал, не лишена и некоторых частных недостатков. Так, автор, видимо, не знаком с трудами Б. М. Моисеева по ирригации Таджикистана⁴.

Следует также сказать, что в работе И. Мухиддинова недостаточно подчеркнута значимость земледельческих традиций населения Западного Памира для современной практики народного хозяйства. В монографии идет речь не об этнографических уникалах, место которым лишь в музеях, а о народном трудовом опыте, который имеет большое значение и в условиях современного социалистического хозяйства. Задача этнографа — привлечь внимание к наиболее полезным приемам и практическим навыкам ведения горного земледельческого хозяйства, передаваемых на Памире из поколения в поколение.

В заключение укажем, что книга И. Мухиддинова — первое историко-этнографическое исследование земледельческой культуры памирских таджиков Вахана и Ишкашима — заслуживает высокой оценки. Работа не только освещает малоизученные аспекты горного орошаемого земледелия таджиков, но и дает ценный материал для историко-этнографического районирования Памира, что весьма актуально в связи с работами по составлению историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана.

Б. В. Андрианов

² Б. В. Андрианов. Изучение горной ирригации на юге Таджикистана и на Западном Памире. — «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году». М., 1971, с. 60—67.

³ См. там же, с. 61.

⁴ Б. М. Моисеев. Очерки по ирригации Таджикистана. — «Вестник ирригации», 1928, № 8—10; 1929, № 1, 2; *его же*. Очерки по истории ирригации Горно-Бадахшанского округа. — «Вестник ирригации», 1929, № 3, с. 27.